

Почта Ю.М. 2015. Демократизация, модернизация и гражданское общество для России. — *Управление социальными инновациями: опыт проблемы и перспективы*: сборник статей V Всероссийской научно-практической конференции. С. 68–74.

KOLYKHALOV Maksim Igorevich, postgraduate student at Siberian Institute of International Relations and Regional Studies (14 Narodnaya St, Novosibirsk, Russia, 630075, Russia; maxim_kolykhalov@mail.ru)

PRINCIPLES AND MECHANISMS OF COORDINATION OF INTERNATIONAL RELATIONS OF RUSSIA'S REGIONS

Abstract. The article analyzes the principles and mechanisms of coordinating international relations of Russia's regions. Russia as a federal state gives its regions the right to engage into international relations within its competence. To implement these powers, the Russian Federation has concluded the necessary international agreements with international organizations for regional cooperation. Regions of Russia have the right to enter into international relations with coordinating this activity from the federal center. Coordination of international relations of Russia's regions has several levels. They are constitutional ones, on the base of federal laws, on the base of legal acts of the president and the government of the Russian Federation and are implemented according to the principles of power delimitation, the unity of foreign policy, alignment of interests and transparency in the conclusion of international treaties and agreements.

Keywords: region, Russian Federation, international relations, legislative act, coordination

УДК 947.031

НОЛЕВ Евгений Владимирович — кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории археологии, этнологии и антропологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; nolev@inbox.ru)

НА СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ РУБЕЖАХ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ: РУССКО-ОРДЫНСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ

Аннотация. В статье рассматриваются дискуссионные вопросы русско-ордынского пограничья в XIII–XV вв. На основе анализа источников и современных исследований описаны различные формы и механизмы территориальной интеграции русских княжеств в административно-территориальную структуру Золотой Орды.

Ключевые слова: русские княжества, Монгольская империя, Золотая Орда, граница

Актуальным направлением исследований взаимоотношений Руси и Улуса Джучи в современной историографии является изучение форм, механизмов и степени вовлеченности русских княжеств в государственное и политическое пространство Золотой Орды. Одни исследователи, признавая Русь частью Золотой Орды, идентифицируют русские княжества как округ (Ал-Калкашанди), провинцию (Ш.Б. Чимитдоржиев) либо улус (В.В. Трепавлов) Золотой Орды. Основание для таких заключений можно найти в летописном обозначении русских земель термином «улус». Однако полисемантичесность этого термина допу-

скает возможность его употребления в качестве обозначения народа, населения. Развивая данную идею, Ю.В. Кривошеев указывает на эволюцию значения термина «улус», приобретшего государственно-территориальный акцент, не утратив при этом первоначальный смысл. «Русские летописи позволяют трактовать “улус” не как подчиненные Орде и управляемые ханом земли, а как территорию, население которой платит дань, во всяком случае, такое понимание не противоречит смыслу текстов» [Кривошеев 2003: 247].

В отечественной исторической литературе приводятся аргументы и в пользу относительной самостоятельности русских княжеств. Так, В.В. Каргалов считает, что Северо-Восточная Русь в силу ряда политических, военных и географических причин не входила непосредственно в состав Золотой Орды. Многие крупные центры, по его мнению, не только оказали упорное сопротивление во время нашествия, но и сохранили свой военный и экономический потенциал, а также возможность обращения за помощью к Западу. К тому же в лесистом междуречье Оки и Волги не было природных условий для постоянного пребывания больших масс ордынской конницы [Каргалов 2008: 192-193, 279]. В современных исследованиях разработан эффективный подход дифференцированной оценки различных этапов русско-ордынских отношений (В.Л. Егоров, И.И. Назипов, Ю.В. Селезнев).

При таком многообразии мнений очевидна необходимость выделения критериев научного поиска, одним из которых может стать изучение русско-ордынского пограничья. Стоит воздержаться от модернизации термина «граница», наполнения его современным смысловым содержанием. Речь в данном случае идет не столько о «государственной границе», сколько о границе двух идентичностей (русские и монголы/ордынцы) и их территориальном обособлении, поскольку центробежные и центростремительные процессы, параллельно проходившие в русских княжествах и Улусе Джучи, меняли представления как о внутренних границах отдельных княжеств и улусов, так и об общей пограничной стратегии. Вместе с тем политическая и экономическая вовлеченность русских княжеств не всегда была тождественна интеграции территориальной, свидетельством чего являются своеобразные пограничные «зоны отчуждения» и буферные территории.

В 1985 г. В.Л. Егоров указал на своеобразную лакуну в историографии русско-ордынских отношений, заключающуюся в отсутствии постановки проблемы изучения пограничья Руси и Золотой Орды в качестве самостоятельной темы исследований. При этом ученый отмечал, что выявление внутренней специфики и очертаний порубежных владений, отслеживаемое в динамике изменения пограничной полосы, могло бы помочь дополнить картину «организации монгольского владычества на Руси» [Егоров 1985: 16-17]. Спустя 30 лет после публикации данного исследования наряду с расширением источниковой базы, обусловленным, прежде всего, новыми результатами археологических исследований, можно констатировать и расширение набора теоретического инструментария исследования границ.

В источниках неоднократно фиксируется факт разграничения русских земель и Золотой Орды. В описании своего путешествия Плано Карпини отделял земли «Руссии» и «Тартарию». Упомянутое им поселение Канов, бывшее под непосредственной властью татар, было своеобразной буферной зоной между Русью и Золотой Ордой, поскольку за ним была расположена первая застава татар [Карпини 2008: 285]. Часто исследователи обращают внимание на идентификацию русских княжеств как «орды Залеской» в «Задонщине». Однако данное название Руси в повествовании дают фряги, в то время как Дмитрий Иванович называет Русь «Залеской землей» [Воинские повести... 1985: 159, 167]. Указания

на определенный территориальный суверенитет русских княжеств и границы с ордынскими владениями содержатся в духовных и договорных грамотах великих и удельных князей.

При формировании территориальных границ Золотой Орды учитывались такие факторы, как традиционные формы административно-территориального деления; специфические природные условия, благоприятные или неблагоприятные для ведения кочевого хозяйства; сосредоточение экономических интересов ордынских чиновников; геополитические задачи правителей Улуса Джучи. Судя по всему, в момент конструирования русско-ордынских границ правом верховного распорядителя русских земель обладал золотоордынский хан. Р.Ф. Набиев отмечает, что для ордынской политики по отношению к подвластным территориям было присуще сохранение прежних государственных границ в качестве административных и не характерна политика колонизации подчиненных территорий [Набиев 2014: 86, 89]. В то же время, реализуя принцип территориального верховенства, в границах княжеств были образованы ордынские территориально-административные единицы – тьмы. Г.В. Вернадский писал о существовании до Тохтамыша 27 тем в Восточной Руси и 16 тем в Западной Руси [Вернадский 2014: 237].

В структуре русско-ордынского пограничья можно выделить следующие формы: многокилометровую полосу отчуждения; буферные зоны; русские земли как часть административно-территориальной структуры Золотой Орды.

В первом случае показательное описание, данное В.В. Похлебкиным, где граница предстает не фиксируемой и охраняемой линией, а многокилометровой полосой, достигающей местами 150–300 км, назначение которой заключалось в разделении русских и ордынских государственных владений [Похлебкин 2000: 40]. Однако это не исключало возможности сезонного чередования использования данных пограничных земель русскими и ордынцами. А.В. Чернецов, рассматривая обширные незаселенные пространства на границе Руси и Золотой Орды, определяет их как своеобразную «зону страха», разделяющую враждебные этнические группировки. Выявление границ подобной зоны и их изменчивости на протяжении столетий составляет, по мнению ученого, приоритетную задачу, стоящую перед исследователями [Чернецов 2003: 13-14]. Принципиально важное значение в данном случае имеют такие составляющие, как хозяйственно-культурный тип и природные условия разграничиваемых территорий. Чаще всего это были пространства перехода степи в лесостепь либо ограниченные естественными рубежами, что создавало трудности для кочевого образа жизни и определило модель опосредованного управления территориями, находящимися за данной природной границей. Ч. Гальперин следующим образом описывает эту ситуацию: кочевание монголов по левобережью Волги позволяло ханам Золотой Орды контролировать ситуацию на Руси, не прибегая к необходимости размещения здесь больших воинских контингентов. Ввиду сосредоточения основных геополитических интересов Джучидов вокруг Северного шелкового пути, на Руси сформировалась практика опосредованного управления через ярлыки [Halperin 1983: 261]. Это служило для ученого основанием для признания факта военного поражения, но отрицания завоевания монголами и включения русских княжеств в состав Монгольской империи.

В новейших исследованиях продолжается изучение буферных зон русско-ордынского пограничья. В.Л. Егоров образование так называемых буферных зон связывает с миграцией большей части местного населения русских территорий на север вследствие нашествия монголов и формированием здесь золотоордынской администрации. К таким зонам ученый относит галицкий город Бакоту, Болоховскую землю, город Канов и Ахматовы Слободы. При этом заин-

тересованность в создании таких зон проявляли скорее ордынские чиновники, ведавшие сбором дани [Егоров 1985: 20]. Б.Р. Рахимзянов, исследуя буферные зоны русско-ордынского пограничья с позиции теории фронта, пишет, что географический фактор имел важное значение во взаимоотношениях северо-восточных русских княжеств и Золотой Орды. Ученый расширяет определение «буферной зоны», используя его для обозначения Рязани и Нижнего Новгорода, через которые происходило вовлечение Москвы в мир степи [Рахимзянов 2010: 94]. Приведенные Б.Р. Рахимзяновым сведения об образовании Касимовского ханства в первой половине XV в. позволяют изучить природу формирования «буферных зон» на территории русских земель. В данном случае речь может идти не о ситуативно сформированных административных пограничных центрах с фискальной функцией, а о реализации принципов распределения земель в Монгольской империи, согласно которым в различных улусах формировались наследственные территории представителей различных линий Золотого рода.

Дискуссионной является проблема определения статуса южнорусских земель в административно-территориальной структуре Золотой Орды. Часть современных историков полагают, что Киевская земля непосредственно в состав Золотой Орды не вошла и управлялась ханами через местных феодалов или наместников. По их мнению, границы Золотой Орды и Киевского княжества были в значительной степени условными, документально не оформленными и ситуативно зависели от размера ордынских сил и активности русского населения [Ивакин 1996: 50,74]. Рассматривая вопросы зависимости Киевской земли от Орды, О.В. Русина обращает внимание на переход Переяславля, Канова под непосредственное управление Золотой Орды, а также образование территории под названием Татарская земля вследствие процессов «обезкняживания» и миграции населения с украинских земель, происходящих параллельно с формированием здесь татарской администрации и приходом татарского населения [Русина 1998: 35, 36]. Б.В. Черкас отмечает, что формирование улусов вблизи южнорусских земель преследовало задачи окончательного покорения новых земель, население которых было не до конца подчинено, и предотвращения вероятной опасности со стороны западных соседей. Это обстоятельство в совокупности с благоприятными природными условиями определило специфику территориальной интеграции южнорусских земель в административную структуру Золотой Орды [Золотая Орда... 2016: 169]. Исследователь высказал предположение о превращении Чингизидами Переяславского княжества в улус с прямым ордынским управлением. При этом земли территории современной Украины, по мнению ученого, были разделены на степные районы, относящиеся к крылу Мувала, и оседлые, принадлежавшие ханскому домену [Золотая Орда... 2016: 174].

С установлением зависимости русских княжеств от Орды меняется и стратегия взаимодействия в приграничных районах. В частности, Ю.В. Селезнев отмечает, что после того как Русь становится частью Джучиева Улуса, «Русский улус», воспринимаемый как часть владений великого хана, перестает быть объектом завоеваний и грабительских набегов [Селезнев 2010: 8]. Ордынские «рати» преследовали цель интеграции русских княжеств в Золотую Орду, выполняя функции установления, защиты или восстановления легитимности своего правления на Руси, а также превентивного принуждения потенциального нарушителя ордынской легитимности. В период децентрализации в Золотой Орде ордынские походы на русские земли могли быть обусловлены конкуренцией претендентов на власть. В отличие от них, грабительские набеги, осуществляемые ордынцами, как правило, в период ослабления центральной власти, напротив, вели к отчуждению русских земель от Орды [Назипов 2014: 225, 229].

Определение четкой пограничной линии владений Руси и Золотой Орды сопряжено с известными трудностями, обусловленными как различными формами и степенью территориальной интеграции русских княжеств в административную структуру Золотой Орды, так и изменением территориальных рубежей на протяжении XIII–XV вв. Современные попытки наглядно размежевать территориальные владения Руси и Золотой Орды отражены в тематических картах [Селезнев 2013: 472; Трепавлов 2010: 75–76]. Аналогичная ситуация прослеживается в современных картах в Монголии. Так, например, на карте «Монголы в Азии и в Европе (XIII век)», размещенной в Монгольском национальном историческом музее, русские княжества выделены другим цветом по отношению к Монгольской империи и обозначены как «вассальные государства».

Русско-ордынское пограничье изменялось в силу политических и естественных причин. В первом случае изменение пограничных рубежей связано с ослаблением Орды и усилением русских княжеств и Литвы. Естественные изменения порубежных владений, а точнее, границ кочевания ордынцев, определялись превышением возможностей вмещающего ландшафта, связанным с усилением хозяйственной и демографической нагрузки на территорию Золотой Орды. Изменения границы происходили не только в территориальном отношении, но и в ее восприятии современниками. Перспективными, на наш взгляд, выглядят исследования сакрального смысла границ и не только в плане своеобразной «зоны страха». Принятие ханом Узбеком ислама в качестве официальной религии Золотой Орды могло способствовать трансформации в восприятии территориальных рубежей в рубежи сакральные – границы православной веры. В этом плане общая сакральная граница могла стать фактором сплочения и дальнейшей централизации Руси.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства Российской Федерации 14.W03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии».

Список литературы

- Вернадский Г.В. 2014. *Монголы и Русь*. М.: Ломоносовъ. 512 с.
- Воинские повести Древней Руси* (сост. Н.В. Поньрко). 1985. Л.: Лениздат. 495 с.
- Егоров В.Л. 1985. Граница Руси с Золотой Ордой в XIII–XIV веках. – *Вопросы истории*. № 1. С. 16–29.
- Золотая Орда в мировой истории*: коллективная монография (отв. ред. И.М. Миргалиев, Р. Хаутала). 2016. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 968 с.
- Каргалов В.В. 2008. *Русь и кочевники*. М.: Вече. 480 с.
- Карпини Джовани дель Плано. 2008. История монголов. – *История монголов*. М.: Алгоритм. 336 с.
- Кривошеев Ю.В. 2003. *Русь и монголы: Исследования по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв.* СПб: Изд-во СПбГУ. 468 с.
- Набиев Р.Ф. 2014. *Государство Джучидов в XIV веке: проблемы политического и экономического развития*: дис. ... д.и.н. Казань. 619 с.
- Назипов И.И. 2014. *Северо-восточная Русь в системе политико-правовых связей Орды (Улуса Джучи) (1242–1502 годы)*. Пермь: Пермский институт экономики и финансов. 360 с.
- Похлебкин В.В. 2000. *Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII–XVI вв. 1238–1598 гг. (От битвы на р. Сить до покорения Сибири)*. М.: Международные отношения. 189 с.
- Рахимзянов Б.Р. 2010. К вопросу о «буферных зонах» во взаимоотношениях

поздней Золотой Орды и северо-восточных русских княжеств. — *Средневековые тюрко-татарские государства*. Вып. 2. Казань: Ихлас. С. 91-95.

Селезнев Ю.В. 2010. *Русско-ордынские военные конфликты XIII–XV вв.*: справочник. М.: Квадрига. 224 с.

Селезнев Ю.В. 2013. *Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII–XV веках*. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во. 472 с.

Трепавлов В.В. 2010. *Золотая Орда в XIV столетии*. М.: Квадрига. 77 с.

Чернецов А.В. 2003. К проблеме оценки исторического значения монголо-татарского нашествия как хронологического рубежа. — *Русь в XIII веке: Древности темного времени*. М.: Наука. С. 12-17.

Івакін Г.Ю. 1996. *Історичний розвиток Києва XIII – середини XVI ст. (історико-топографічні нариси)*. Київ: Альтернативи. 272 с.

Русина О.В. 1998. *Україна під татарами і Литвою*. Київ: Альтернативи. 320 с.

Halperin Ch.J. 1983. Russia in the Mongol Empire in Comparative Perspective. — *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Vol. 43. No. 1. P. 239-261.

NOLEV Evgeniy Vladimirovich, *Cand. Sci. (Hist.)*, Researcher of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of Russian Academy of Sciences (6 Sakh'yanovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670042; nolev@inbox.ru)

AT THE NORTHWESTERN BOUNDARY OF THE MONGOLIAN EMPIRE: THE RUSSIAN-HORDE BORDERLAND

Abstract. The issue about an extent to which Russian principalities were integrated into the territorial and imperial space of the Mongolian Empire forms one of the key trends in the study of relationships between Russia and the Horde. A study of the Russian-Horde borderland will help to clarify this issue first as a factor of isolation dividing Russian principalities and the Golden Horde, second as a sacral frontier separating agricultural and nomadic worlds, and third, as a specific buffer zone via where Moscow was involved into the steppe world. Nowadays studies of contact zones and causes of frontier alteration got a new momentum. This study determined that besides territorial differentiation of frontier relationships there was also their chronological discretization. Based on contemporary studies it is possible to presume a functional sacral and political significance of the Russian-Horde boundary in shaping Russian centralized state.

Keywords: Russian principalities, Great Mongol Empire, Golden Horde, frontier, borderland